

Двойник

Молодой человек Колесакин называл сам себя застенчивым весельчаком.

Приятели называли его забавником и юмористом, а уголовный суд, если бы веселый Колесакин попал под его отеческую руку, разошелся бы в оценке характера веселого Колесакина и с ним самим и Колесакиновыми приятелями. Колесакин сидел на вокзале небольшого провинциального города, куда он приехал на один день по какому-то вздорному поручению старой тетки. Его радовало все: и телячья котлета, которую он ел, и вино, которое он пил, и какая-то заблудшая девица в голубенькой шляпке за соседним столиком - все это вызывало на приятном лице Колесакина веселую, благодушную улыбку. Неожиданно за его спиной раздалось:

- А-а! Сколько зим, сколько лет!!

Колесакин вскочил, обернулся и недоумевающе взглянул на толстого красного человека, с лицом, блестящим от скупого вокзального света, как медный шар.

Красный господин приветливо протянул Колесакину руку и долго тряс ее, будто желая вытрясти все колесакинское недоумение:

- Ну как же вы, батенька, поживаете?

"Черт его знает, - подумал Колесакин, - может быть, действительно где-нибудь познакомились. Неловко сказать, что не помню".

И ответил:

- Ничего, благодарю. Вы как?

Медный толстяк расхохотался.

- Хо-хо! А что нам делается?! Ваши здоровеньки?

- Ничего... Слава Богу, - неопределенно ответил Колесакин и, из вежливого желанья поддержать с незнакомым толстяком разговор, спросил: - Отчего вас давно не видно?

- Меня-то что! А вот вы, дорогой, забыли нас совсем. Жена и то спрашивает... Ах, черт возьми, - вспомнил! Ведь вы меня, наверное, за это ругаете?

- Нет, - совершенно искренно возразил Колесакин. - Я вас никогда не ругал.

- Да, знаем... - хитро подмигнул толстяк. - А за триста-то рублей! Курьезно! Вместо того чтобы инженер брал у поставщика, инженер дал поставщику! А ведь я, батенька, в тот же вечер и продул их, признаться.

- Неужели?

- Уверяю вас! Кстати, что вспомнил... Позвольте рассчитаться. Большое мерси!

Толстяк вынул похожий на обладателя его, такой же толстый и такой же медно-красный бумажник и положил перед Колесакиным три сотенных бумажки.

В Колесакине стала просыпаться его веселость и юмор.

- Очень вам благодарен, - сказал он, принимая деньги. - А скажите... не могли бы вы - услугу за услугу - до послезавтра одолжить мне еще четырехста рублей? Платежи, знаете, расчет срочный... послезавтра я вам пришлю, а?

- Сделайте одолжение! Пожалуйста! В клубе как-нибудь столкнемся - рассчитаемся. А кстати: куда девать те доски, о которых я вам писал? Чтобы не заплатить нам за полежалое.

- Куда? Да свезите их ко мне, что ли. Пусть во дворе полежат.

Толстый господин так удивился, что высоко поднял брови, вследствие чего маленькие заплывшие глазки его впервые как будто глянули на свет Божий.

- Что вы! Шутить изволите, батенька? Это три-то вагона?

- Да! - решительно и твердо сказал Колесакин. - У меня есть свои соображения, которые... Одним словом, чтобы эти доски были доставлены ко мне - вот и все. А пока позвольте с вами раскланяться. Человек! Получи. Жене привет!

- Спасибо! - сказал толстый поставщик, трясая руку Колесакина. - Кстати, что Эндименов?

- Эндименов? Ничего, по-прежнему.

- Рыпается?

- Ого!

- А она что?

Колесакин пожал плечами.

- Что ж она... Ведь вы сами, кажется, знаете, что своего характера ей не переделать.

- Совершенно правильно, Вадим Григорьевич! Золотые слова. До свиданья.

Это был первый веселый поступок, совершенный Павлушей Колесакиным. Вторым поступком совершился через час в сумерках деревьев городского чахлого бульвара, куда Колесакин отправился после окончания несложных теткинских дел.

Навстречу ему со скамейки поднялась стройная женская фигура, и послышался радостный голос:

- Вадим! Ты?! Вот уж не ждала тебя сегодня! Однако как ты изменился за эти две недели! Почему не в форме?

"А она прехорошенькая! - подумал Колесакин, чувствуя пробуждение своего неугомонного юмора. - Моему двойничку-инженеру живется, очевидно, превесело".

- Надоело в форме! Ну, как ты поживаешь? - любезно спросил веселый Колесакин, быстро овладевая своим странным положением. - Поцелуй меня, деточка.

- Ка-ак? Поцелуй? Но ведь тогда ты говорил, что нам самое лучшее и честное расстаться?

- Я много передумал с тех пор, - сказал Колесакин дрожащим голосом, - и решил, что ты должна быть моей! Сядем вот здесь... Тут темно. Садись ко мне на колени...

- А знаешь что, - продолжал он потом, тронутый ее любовью, - переезжай послезавтра ко мне! Заживем на славу.

Девушка отшатнулась.

- Как к тебе?! А... жена?

- Какая жена?

- Твоя!

- Ага!.. Она не жена мне. Не удивляйся, милая! Здесь есть чужая тайна, которую я не вправе открыть до послезавтра... Она - моя сестра!

- Но ведь у вас же двое детей!

- Приемные! Остались после одного нашего друга. Старый морской волк... Утонул в Индийском океане. Отчаянию не было пределов... Одним словом, послезавтра собирай все свои вещи и прямо ко мне на квартиру.

- А... сестра?

- Она будет очень рада. Будем воспитывать вместе детей... Научим уважать их память отца!.. В долгие зимние вечера... Поцелуй меня, мое сокровище.

- Господи... Я, право, не могу опомниться... В тебе есть что-то чужое, ты говоришь такие странные вещи...

- Оставь. Брось... До послезавтра... Мне теперь так хорошо... Это такие минуты, которые, которые...

В половине одиннадцатого ночи весельчак Колесакин вышел из сада утомленный, но довольный собой и по-прежнему готовый на всякие веселые авантюры. Кликнул извозчика, поехал в лучший ресторан и, войдя в освещенную залу, был встречен низкими поклонами метрдотеля.

- Давненько не изволили... забыли нас, Вадим Григорьевич. Николай! Стол получше господину Зайцеву. Пожалуйста-с!

На эстраде играл какой-то дамский оркестр.

Решив твердо, что завтра с утра нужно уехать, Колесакин сегодня разрешил себе кутнуть. Он пригласил в кабинет двух скрипачек и барабанщицу, потребовал шампанского, винограду и стал веселиться...

После шампанского показывал жонглирование двумя бутылками и стулом. Но когда разбил нечаянно бутылкой трюмо, то разочаровался в жонглировании и обрушился с присущим ему в пьяном виде мрачным юмором на рояль: бил по клавишам кулаком, крича в то же время:

- Молчите, проклятые струны!

В конце концов он своего добился: проклятые струны замолчали, за что буфетчик увеличил длинный и печальный счет на 150 рублей... Потом Колесакин танцевал на столе, покрытом посудой, грациозный танец неизвестного наименования, а когда в соседнем кабинете возмутились и попросили вести себя тише, то Колесакин отомстил за свою поруганную честь тем, что, схвативши маленький барабан, прорвал его кожу и нахлобучил на голову поборника тишины.

Писали протокол. Было мокро, смято и печально. Все разошлись, кроме Колесакина, который, всеми покинутый, диктовал околоточному свое имя и фамилию:

- Вадим Григорьевич Зайцев, инженер. Счет на 627 рублей 55 коп.

Колесакин велел отослать к себе на квартиру.

- Только, пожалуйста, послезавтра!

Уезжал Колесакин на другой день рано утром, веселый, ощущая в кармане много денег и в голове приятную тяжесть.

Когда он шел по пустынному перрону, сопровождаемый носильщиком, к нему подошел высокий щеголеватый господин и строго сказал:

- Я вас поджидаю! Мы, кажется, встречались... Вы - инженер Зайцев?

- Да!

- Вы не отказываетесь от того, что говорили на прошлой неделе на журфиксе Заварзеевых?

- У Заварзеевых? Ни капельки! - твердо ответил Колесакин.

- Так вот вам. Получите!

Мелькнула в воздухе холеная рука, и прозвучала сильная глухая пощечина.

- Милостивый государь! - вскричал Колесакин, пошатнувшись. - За что выдеретесь?..

- Я буду бить так всякого мерзавца, который станет утверждать, что я нечестно играю в карты!

И, повернувшись, стал удаляться. Колесакин хотел догнать его и сообщить, что он - не Зайцев, что он пошутил... Но решил, что уже поздно.

Когда ехал в поезде, деньги уже не радовали его и беспечное веселье потускнело и съезжилось...

И при всей смешливости своей натуры, - веселый Колесакин совершенно забыл потешиться в душе над странным и тяжелым положением инженера Зайцева на другой день.